

Москвичка. — 1994. — 7 апр. (№ 10). — С. 13.

С ВОЛНЕНИЕМ ВСПОМИНАЮ...

Кинемемуары

Татьяна БЕРЕЗАНЦЕВА

1934 год. Окружной мост, все проходящие студийные машины подбирали работников студии.

Я подняла руку. Машина с тремя пассажирами остановилась. Шел оживленный разговор о вчерашней премьере фильма «Пышка» в Доме кино. Сидящий рядом с шофером молодой человек все время прислушивался к разговору. И вдруг он полусухо обратился ко мне: «Не все в этом фильме так замечательно!»

Я начала энергично возражать, объясняя, что даже при отсутствии текста — это Мопассан. Так выразительно могут играть только у талантливого режиссера.

— Вы так думаете? — улыбаясь, сказал он. И с любопытством, пытливо посмотрел на меня.

Мы подошли к подъезду студии. Я поблагодарила попутчиков. Они, смеясь, сказали мне:

— А ведь это режиссер «Пышки» Михаил Ильич Ромм.

Потом на протяжении многих лет я работала на фильмах Ромма ассистентом режиссера, узнала его гораздо лучше. Но меня всегда поражали в нем живая восприимчивость, способность удивляться окружающему миру.

Параллельно со съемками фильма «Тринадцать» Ромм вместе с Э. Пенцлиным написал интересный сценарий по повести Пушкина «Пиковая дама». Подготовительную работу к новой постановке начали режиссер Пенцлин и я. В группу Ромма я попала впервые. Сергей Михайлович Эйзенштейн сказал, что мне повезло: я попала к очень талантливому режиссеру.

К приезду Михаила Ильича из экспедиции по картине «Тринадцать» подготовительный период «Пиковой дамы» заканчивался. Л. Кузьмина должна была играть роль Лизы, Германа — молодой ленинградский актер В. Дубенский, горничную — М. Гаврилко. Не ясно было только с графиней. Проба Кнебель оказалась неудачной. Театральная манера ее игры не устраивала Ромма. В других кандидатурах не удовлетворял внешний облик. В поисках графини я сбилась с ног. Однажды, соблюдая строгую секретность, я привела в павильон, где проводились ки-

нопробы, уже одетую и загримированную графиню. Михаил Ильич остался очень доволен ее обликом: «Наконец-то у нас есть настоящая графиня. Внешний рисунок — то, что мы искали. Удивительно!»

Борис Израилевич Волчек обошел вокруг «графини», рассматривая ее внимательно и пристально. Поставил ее перед камерой. Включил свет. Репетиция прошла на редкость удачно. Небольшой перерыв перед съемкой. Перекур. «Можно закурить?» — Волчек галантно обратился к графине. И вдруг моя графиня подняла юбки и полезла в карман... брюк за папиросами. Раздался дружный хохот. Графиня — артист Милляр — смутилась. Михаил Ильич смеялся больше других. А отсмеявшись сказал, что я очень точно увидела образ. Артист Милляр был утверждён на роль графини.

Но, к сожалению, картину закрыли...

Однажды в начале 1940 г. он позвонил мне и попросил приехать. Показал короткое либ-

ретто будущего сценария «Мечта», написанное им вместе с Е. Габриловичем. Подробно рассказал о сценарии, о сложившихся в его представлении образах героев и попросил сейчас же наметить исполнителей.

Когда кандидатуры были намечены (Раневская, Кузьмина, Болдуман, Плятт, Астангов, Войцек), Михаил Ильич собрал всех у себя дома для предварительной беседы.

Наконец, были сделаны кинопробы, и мы выехали в экспедицию во Львов.

Для начальства Ромм был «неудобным» человеком. Его методы и принципы организации творческих объединений решены были задолго до перестройки — свобода творчества, основанная на высокой идейно-нравственной, духовной, гуманной правде искусства, уважительное корректное отношение к художнику и его творчеству — все это мало устраивало руководство.

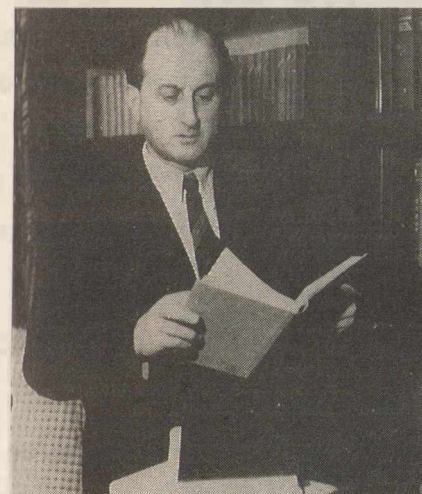
Меня всегда очень трогали отношения двух людей — Михаила Ильича и его жены

Елены Александровны Кузьминой. Ромм не мыслил себя без нее, она была неотделима от его творчества. Он делился с ней всем, как с самим собой, хотя мог спорить, горячиться. На съемках никогда не оказывал ей предпочтения перед другими артистами.

Елена Александровна Кузьмина много лет не снималась. А в 50-х годах появилось негласное распоряжение, запрещающее режиссерам снимать своих жен. Почему? И Пырьев (тогда директор «Мосфильма») всерьез отнесся к этому распоряжению.

После длительного перерыва в работе Елена Александровна согласилась сниматься и уехала в экспедицию в Кишинев. Шел 1963 год.

Приблизительно в это же время меня вызвали в Госко-

Кинорежиссер
Михаил Ромм

митет по кинематографии и предложили срочно осуществить на студии «Молдовафильм» постановку фильма «При попытке к бегству».

Я попала в очень затруднительное положение, но все-таки сделала свой режиссерский вариант сценария и пошла к Михаилу Ильичу посоветоваться, как выйти подостойнее из этой истории.

Пожалуй, я впервые увидела Ромма подавленным. Вот тут я поняла всю его незащищенность, одиночество оставленного большого ребенка. Какой-то неизъяснимой печалью веяло от его облика. О чем бы он ни говорил, он постоянно невольно возвращался к Елене Александровне.

Скупло, без особых подробностей, Михаил Ильич сам рас-

сказал мне о своем выступлении в ВТО, суть которого сводилась к критике ряда статей, опубликованных в журнале «Октябрь», порочащих необоснованно и неграмотно кинематографию и ее ведущих мастеров (Юткевича, Пудовкина, Эйзенштейна). Рассказал и о реакции на это выступление, которая последовала на встрече руководителей партии и правительства с интеллигенцией в январе-феврале 1963 года.

Активнее всех вели себя на этой встрече писатели В. Кочетов, А. Сафронов, Н. Грибачев и первый секретарь ЦК комсомола Павлов. В адрес Ромма посыпались слова «клевета и клеветник», «протирание штанов перед Западом»; обвиняли его в космополитизме, сионизме, политическом невежестве и т. д.

Выручил Ромма Хрущев. Он вскоре сказал, что члены ЦК сами разберутся с делами Ромма и что этот крупный мастер «еще встанет на ноги».

Тут Ромм улыбнулся и сказал: «Ну раз сам Никита Сергеевич надеется, что я еще встану на ноги, то и я не теряю этой надежды.»

Помолчал, усмехнулся:

— Ну, ладно, хватит обо мне. А что у вас, Танюша?

Я, стараясь переключить внимание Михаила Ильича, начала с юмором рассказывать о своих сценарных злоключениях. Вероятно, это отвлекло Михаила Ильича, и он рассмеялся.

Прошло какое-то время и, как известно, Ромм с честью вышел из неравной борьбы. Лучшее доказательство тому — фильм «Обыкновенный фашизм», который вышел на экраны практически всех стран мира в конце 1965 — начале 1966 годов.